

**Обычаи и нравы рабочих России
(конец XIX – начало XX вв.)**

Доклад посвящен одному из наименее изученных аспектов повседневного быта русских рабочих, в течение долгого времени фактически остававшемуся вне сферы исследовательских интересов и отечественных историков рабочего класса, и российских этнографов, большинство которых традиционно ориентированы преимущественно на изучение крестьянства. Наиболее удачной попыткой, по крайней мере в советский период, выйти за рамки исследования социально-экономической и политической истории российского рабочего класса и коснуться традиционно этнографических для российской науки «сюжетов» (материальный и общественный быт, духовная культура) мне представляется коллективный труд «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.» (1-е изд. М., 1983; 2-изд. М., 1989). Но и в нем быт рабочих отражен явно недостаточно – избирательно и, как правило, очень скупо, в контексте рассмотрения других проблем. Впрочем, это скорее беда, чем вина авторов тома, поскольку возможности использования результатов частных исследований у них были крайне ограничены. Но и сейчас положение мало изменилось к лучшему, хотя в 1880-е – начале 1890-х гг. появилось несколько новых публикаций, касающихся обычаев и обрядов русских рабочих дореволюционного периода¹.

Основой для доклада послужили воспоминания рабочих, материалы фольклорных и историко-бытовых экспедиций 1930–1950-х гг., а также корреспонденции рабочих и о рабочих, опубликованные в начале XX в. в легальных и нелегальных изданиях. Отдельные сведения почерпнуты из публицистических статей 1880-х – начала 1900-х гг. и исследований по рабочему вопросу того же и более позднего времени.

Одним из наиболее достоверных и к тому же чрезвычайно богатым по содержанию источником мне представляются периодические издания изучаемого времени и прежде всего выходившие в промышленных районах местные газеты. В хроникальных разделах этих газет («По

губернии», «Городская жизнь», «Местная жизнь», «Уездная хроника», «Из жизни рабочих», «На фабриках и заводах», «Нам пишут» и т.п.) регулярно помещались материалы, освещающие различные стороны жизни рабочих – от сохраняющихся еще кое-где реликтов архаических обычаев и обрядов – до обычаев, рожденных экономической и политической борьбой рабочих. Особую ценность извлеченной из газет информации придает ее сиюминутность, помогающая уточнить, а нередко и обогатить новыми деталями сведения, содержащиеся в мемуарах и полевых сборах послеоктябрьского периода. В первую очередь это касается хронологии бытования и степени распространения как позитивных, так и негативных явлений рабочего быта.

В конце XIX - начале XX вв. рабочий класс России не был монолитной массой, что сказывалось и на его обычаях и нравах, при общей тенденции развития, имевших свои особенности не только в разных регионах и у представителей разных отраслей промышленности, но и у разных составляющих рабочего класса – авангарда, широких масс и отсталых слоев, а также у потомственных рабочих и вчерашних выходцев из других сословий и социальных групп. К сожалению, из-за дефицита частных исследований не представляется возможным дать полную и достаточно дифференцированную характеристику обычаев и нравов рабочих России в целом. Поэтому я ограничусь рассмотрением главным образом обычаев, связанных с общественным, в том числе производственным, бытом фабрично-заводских рабочих Европейской России.

Как известно, в пореформенный период происходит бурный рост численности фабрично-заводских рабочих за счет постепенного пополнения их рядов пришельцами из иных сословий (главным образом крестьян) и социальных групп (преимущественно ремесленников), приносивших с собой на заводы и фабрики свои обычаи, обряды, формы быта. Неудивительно, что многие обычаи фабрично-заводских рабочих, как и их нравы, явились своеобразной трансформацией старых крестьянско-ремесленных традиций, перенесенных в иную социальную среду и другие условия производства (новый трудовой ритм, новые производственные отношения).

К крестьянско-ремесленным традициям восходили, например, «производственные» обычаи, связанные с этапными, поворотными моментами фабричного календаря (условно, по аналогии с крестьянскими, их можно назвать «календарными») и с первой получкой (так называемые «спрыски» или «магарычи»). Насколько мне известно, свои «календарные» обычаи – «замочка машин» (реже – «заправка», «легкий ход») и «засидки» – сложились только у ткачей, что, видимо, было связано как с особым режимом работы ткацких фабрик, так и с

характером формирования этого отряда русских рабочих, в течение многих десятилетий не порывавших тесные связи с деревней, а часто и сочетавших работу на фабрике с ведением крестьянского хозяйства, для которого была характерна строгая цикличность работ и сопутствовавшая ей календарная обрядность.

«Замочка машин» была приурочена к Фомину понедельнику (первый понедельник после пасхальной недели), т.е. к началу летнего сезона работы. День «заправки» начинался торжественным молебном с окроплением святой водой машин и рабочих. Затем на несколько минут, иногда на час-два, станки пускали на «холостой ход». Убедившись, что они исправны (во время пасхального перерыва на фабриках проводился профилактический осмотр и ремонт техники), ткачи, заправив нитки, работали около получаса, а затем, получив от хозяев «угощение» («вино» мужчинам, семечки женщинам) либо, гораздо чаще, – деньги, покидали фабричные корпуса. «Хозяйских» денег, как правило, не хватало, и ткачи добавляли свои. Купив в складчину выпивку и закуску, они устраивали «общее» (мужчины и женщины вместе) гулянье. По всей вероятности с «замочкой машин» генетически связаны и гулянья, устраивавшиеся в Фомин понедельник на фабриках Вичугского (Костромская губ.) и Иваново-Вознесенского (Владимирская губ.) промышленных районов.

«Засидки» справлялись осенью – либо в Семенов день (1 сент. ст. ст.), либо в праздник Рождества Богородицы (8 сент. ст. ст.), совпадающий с осенним равноденствием³(3). В конце XIX – начале XX вв. «засидками» на мелких фабриках Москвы и Подмосковья отмечался переход на работу при искусственном освещении. В день «засидок» с наступлением сумерек всех рабочих выпускали за фабричные ворота. Получив от хозяина деньги, они небольшими компаниями отправлялись в ближайшие трактиры, где «за бутылкой, чаем и закуской» отмечали наступление зимнего сезона. Со следующего дня уже начинали работать «с огнем» – свечами, керосиновыми лампами или газовым освещением. С появлением на фабриках электричества «засидки» прекратились. Как и «замочка машин», «засидки» – явно отмирающий обычай, к концу XIX в. утративший уже и первоначальный смысл, и ритуал.

Если «замочка машин» и «засидки» к началу XX в. сохранились лишь на отдельных ткацких фабриках, да и то в виде рудиментов, то обычай «спрысок» («магарычей») вплоть до начала 1920-х годов был неотъемлемым компонентом производственного быта фабрично-заводских рабочих⁴. «Спрыски», связанные с производственной жизнью (по случаю поступления на работу или выпуска учеников) особенно глубоко-

кие корни пустили у слесарей, токарей и других «мастеровых» – преемников традиций ремесленников. Участвовали в них целые мастерские. Устраивали «спрыски» обычно сразу после работы. В теплое время года – где-нибудь «на природе», иногда даже у ворот завода или фабрики. В холодное время, как правило, в трактире.

На некоторых предприятиях «спрысками» сопровождался и переход на вышеоплачиваемую работу, и повышение заработной платы, даже самое незначительное. Думается, подобные «спрыски» – явление вторичное, более позднее. По существу, это узаконенное фабрично-заводским обычным правом требование денег на выпивку.

В разных промышленных центрах, а порой и у представителей разных отраслей промышленности «спрыски» имели свои особые названия. Так, у текстильщиков ЦПР наиболее широко бытовали термины «спрыски» и «магарыч»; на предприятиях металлообрабатывающей промышленности, механических заводах и в железнодорожных мастерских Тулы, Воронежа, Сормова, Самары, Царицына, Ростова-на-Дону – «клепка» или «клепать новичка»; на промышленных предприятиях Петербурга и Луганска – «привальная» («привальное»), Твери и Ярославля – «литки» и т.п. Все эти термины, утратив первоначально присущие им нюансы содержания, в рабочей среде превратились в синонимы.

«Спрыски» всегда были пропоем первой получки, которую они нередко предваряли, поэтому и деньги на них зачастую брали в долг. В некоторых рабочих коллективах имелись особые «старосты по магарычам», не только следившие за неукоснительным соблюдением традиций, но и бравшие на себя заботу о получении ссуды на «магарыч».

«Опивание» учеников обставлялось более торжественно, чем вновь поступающих рабочих, и напоминало соответствующий ритуал ремесленников: произносились напутствия ученику, а он благодарил своих учителей «за науку»; вчерашнему ученику впервые разрешалось наравне со всеми пить водку, участвовать в разговоре старших. В этот день, как отмечалось в одной из публикаций «Правды», молодой рабочий получал «благословение на познание всего зла, которым так богата жизнь русского рабочего»⁵. К аналогичному выводу приходишь и читая воспоминания рабочих, начавших трудовую жизнь в конце XIX – начале XX вв. Многие из них утверждают, что именно «спрыски» по выходе из ученичества явились первым шагом к более или менее частым выпивкам, а то и к систематическому пьянству.

Отношение рабочих к «спрыскам» было неоднозначным. Одни, наиболее грамотные, развитые, считали их «диким», «дурным обычаем», «отвратительной привычкой», «злом», с которым должен бороться

каждый сознательный рабочий. Другие, и таких было большинство, относились к ним как к святыне. Из-за такого благоговения перед традиционным обычаем борьба с ним была обречена на неудачу, хотя вопрос об обсуждении и отмене «спрысок» в 1905–1906 гг. поднимался на многих собраниях и митингах не только рабочих, но и ремесленников. Дружный отпор «приверженцев старых обычаев и поклонников зеленого змия» встретили и попытки профсоюзов бороться со «спрысками». Подобные попытки постоянно предпринимались и отдельными рабочими. Но строптивцам, пренебрегавшим обычаем, не давали работать. А если они обращались за поддержкой к мастерам, то те отказывали им в помощи, ссылаясь на то, что ничего не могут сделать, поскольку «так заведено, таков обычай».

На некоторых прядильных и ткацких фабриках Ивановского текстильного района, где работало много женщин, существовал обычай брать «на магарыч» с новобрачной товарки по выходе ее на работу после свадьбы. Получив требуемые деньги, женщины тотчас посылали кого-нибудь за вином. После ухода с фабрики начальства они «угощались», а затем с песнями и плясками, держа в руках платки, гурьбой прохаживались по проходам корпуса⁶. По всей вероятности этот обычай существовал и в других текстильных районах, но я пока не располагаю сведениями о его ареале. Обычай брать «на магарыч» с новобрачной очевидно следует рассматривать как своего рода фабричный эквивалент принятого в крестьянской среде общественного санкционирования брака соседями, общиной.

Характерный для крестьян обычай неформального общения представителей различных половозрастных групп в постоянном, закреплённом традицией месте сохранялся и в среде фабрично-заводских рабочих. Правда, и традиционные места встреч, и их время, и в значительной степени их содержание стали здесь иными.

На производстве постоянными местами неформального общения рабочих повсеместно служили заводские и фабричные уборные (уборные-курилки). «Единственное место, где рабочие могли обменяться мнениями и получить информацию о происходящих событиях на фабриках и заводах, – вспоминал спустя годы рабочий И.М. Голубев, – были уборные, служившие в те времена (конец 1890-х гг. – Н.П.) «рабочим клубом». Там они опохмелялись после праздников, там урывками читали газеты и книжки, вырабатывали экономические требования для предъявления хозяевам, там знакомились с нелегальной литературой и нелегальной организацией»⁷. Однако фабричные и заводские уборные были, мне кажется, не только местом общения и «политическим клубом», но и своего рода комнатой отдыха (разгрузки), где

можно было расслабиться от нервного и физического утомления, вызванного тяжелыми условиями производства.

Администрация предприятий настойчиво, но довольно безуспешно, боролась с этими мужскими и женскими «посиделками» (перекурами) *, пытаясь сразу убить двух зайцев – повысить трудовую дисциплину и лишить революционно-настроенных рабочих возможности вести агитационно-пропагандистскую работу «не отходя от станка». На одних предприятиях под угрозой штрафа строжайше запрещалось собираться в уборных одновременно большому числу рабочих. На других регламентировалось количество посещений ватер-клозетов в течение смены и допустимое время пребывания в них, что, естественно, вызывало возмущение рабочих. Так, например, среди требований, предъявленных в марте 1907 г. администрации одной из костромских фабрик, было и такое: «Уничтожить необоснованные ничем запрещения рабочим посещать уборные больше 2-х раз в день и не допускать позорного преследования в уборных мастерами и др. лицами мужской администрации женщин-работниц». Ответ, полученный забастовщиками от директора фабрики, в комментариях не нуждается: «Уборные не представляют из себя ни клубов, ни мест отдохновения, – писал он, – а потому засиживание в уборных должно быть преследуемо»⁸. Следует заметить, что все меры, принимаемые администрацией с целью упразднения «рабочих клубов» на производстве, не давали желаемых результатов. Рабочие упорно отстаивали свое право на «посиделки» в рабочее время, воспринимавшиеся многими как традиционный обычай.

После работы местом общения фабричных рабочих зачастую становились казарменные уборные, в 1905 г. в Яхроме названные «совещательными комнатами», реже – «умывальные» и лестничные площадки⁹.

По воскресным и праздничным дням, а иногда и в будни, функции «рабочих клубов» выполняли трактиры и чайные. Порой их посещали и женщины, приходившие, как правило, «своей компанией».

Чайные особой популярностью пользовались у непьющих обитателей перенаселенных «вольных» квартир и фабричных «спален», отдохнувших здесь от неустроенности домашнего быта. В чайной можно было почитать имевшуюся там газету, принесенную с собой книгу; посидеть с друзьями за чаем, послушать лекцию. Но чайных было мало, да и появились они в рабочих кварталах лишь в конце XIX – начале XX вв., с созданием в России обществ трезвости.

Большинство рабочих проводили свой досуг в трактирах, куда, по их словам, многие ходили не ради выпивки, а чтобы встретиться с

* Длительные отлучки с рабочего места, как правило, бывали при несдельной работе.

друзьями, знакомыми, единомышленниками. К тому же в трактире, как и в чайной, можно было бесплатно получить для чтения газеты и даже журналы *. Однако на всех желающих газет зачастую не хватало. Возможно поэтому в трактирах к концу XIX в. укоренился обычай чтения вслух с последующим обсуждением прочитанного. Слушали газеты, разбившись на небольшие «кружки», в центре которых находился чтец. Поскольку читали их вполголоса, чтобы не мешать другим, то наряду с изданиями, выписываемыми хозяином заведения, в трактире можно было познакомиться и с газетами иной ориентации, принесенными кем-либо из посетителей (то же и в чайной).

Посещали трактиры и рабочие, ставшие на путь борьбы с предпринимателями и существующим строем. Здесь бывали встречи с приезжими пропагандистами, устраивались совещания «рабочего актива», велись переговоры между представителями разных предприятий о проведении совместных акций ¹⁰.

Однако своеобразной бесплатной читальней и уж тем более «политическим клубом» трактир служил довольно ограниченному кругу рабочих. Основная же масса их приходила сюда, чтобы за выпивкой, едой и разговором под звуки трактирной музыки забыть о всех тяготах повседневной жизни – грубости и произвола мастеров, тесного и грязного жилья, плача голодных детей и попреков, измученной нуждой и непосильным трудом, жены. Те, кто жил в фабричных «спальнях» или снимал угол, «постель», нередко принимали здесь приезжавших навестить их родственников. Трактир был и традиционным местом устройства «спрысок» по любому поводу. Рабочие разных предприятий, производств, профессий, как правило, посещали «свой» трактир. Но для большинства из них, нередко оставивших здесь последнюю копейку, трактир был скорее злом, чем добром, ибо посещение его в немалой степени способствовало росту пьянства в среде рабочих.

На формирование обычаев и нравов рабочих немалое влияние оказывали и специфические жилищные условия, в которых очутились десятки тысяч людей, оторванных от родного крова. Я имею в виду наемные или «вольные» квартиры (часто – угол, койка, а то и место на полу) и хозяйские, главным образом фабричные казармы, где до середины 1880-х гг. в так называемых «спальнях» в одном помещении на общих нарах, в лучшем случае разделенных доской на отдельные «лежащие» места, попеременно спали малолетние и взрослые, мужчины и женщины, парни и девушки. Не в лучших условиях оказывались и те, кто снимал «постель» на «вольной» квартире. Даже незадолго до I

* Я не касаюсь вопроса о содержании трактирных и «чайных» газет и журналов, поскольку эта тема специального исследования.

Мировой войны в таких «квартирах» рабочие спали «прямо на полу, вповалку, вместе мужчины, женщины и дети...»¹¹. Подобная неустроенность и скученность на небольшом пространстве лиц разнообразного пола и возраста, как правило не связанных родством, и к тому же лишенных привычного контроля со стороны общины за соблюдением традиционных моральных устоев, не могли не сказаться на нравах и нравственности, населявших подобные жилища и фабричные «спальни», наименее квалифицированных рабочих. Не случайно в быту именно этой категории фабрично-заводских рабочих, изначально лишенных права на жизнь, достойную человека, свили себе гнездо многие людские пороки, на освещении которых в советской исторической науке не было принято акцентировать внимание. Среди них – хулиганство, страсть к азартным играм, пьянство, не обошедшее стороной и женщин, свобода нравов, переходящая порой в половую распущенность*.

В условиях казарменной жизни возникал и своеобразный общественный быт. Так детищем «семейных» фабричных казарм был широко распространенный в Центральном промышленном районе еще в первой четверти XX в. обычай «пропоя» или «пропивания помоев», представляющий собой не что иное, как фабричный вариант традиционных крестьянских «бабских праздников». Сформировался он, по всей вероятности, в последней четверти XIX в. (с появлением «семейных» казарм).

В «Пропой помоев» устраивался дважды в год – в начале каждого фабричного сезона. Приурочен он был к особо почитаемым традиционным крестьянским женским праздникам – Покрову (1 октября ст. ст.) и дню жен-мироносиц (второе воскресенье после Пасхи), в селах и деревнях сопровождавшемуся «бабьей складчиной». «В этот день, по уверению многих, – писал в конце 1880-х гг. исследователь народного быта С. Пономарев, – бабе полагается напиться до зеленого змия и вернуться «на четверке»; мужья за это не взыскивают...»¹².

Как и в «бабьих праздниках», в «пропое помоев» участвовали только женщины. Формальным поводом для праздника служило получение от коровниц денег за кухонные помои, сливавшиеся в общую кадку всеми семьями, живущими в казарме (отсюда и название обычая). К этим деньгам женщины всегда добавляли еще что-то «от себя». Начинаясь застольем в коридоре казармы, куда выносили столы из каморок, «пропой помоев» часто заканчивался торжественным шествием

*В данном случае дурной пример рабочим нередко подавало фабричное начальство, отдельные представители которого вынуждали к сожительству приглянувшихся им работниц. Подобные нравы, судя по рабочему фольклору и массовой рабочей поэзии, процветали не только на предприятиях текстильной промышленности.

по близлежащим улицам «пьяных женщин-матерей с плясками и разными прибаутками и песнями»¹³. Аналогичными шествиями нередко сопровождались и крестьянские «бабьи складчины».

При знакомстве с газетами конца XIX - начала XX вв. и воспоминаниями современников бросается в глаза широкое распространение среди рабочих пьянства, чему, наряду с низким уровнем общей культуры большинства из них, тяжелыми бытовыми условиями и отсутствием или малой доступностью разумных развлечений для рабочих, в немалой степени способствовало избыточное предложение спиртного. Так, например, в Ярославле накануне I Мировой войны вокруг одной только «корзинкинской фабрики», по сообщению местной газеты, размещались 11 пивных лавок, 5 трактиров, 3 казенки и масса шинков¹⁴(14). И такая картина была типичной для дореволюционной России.

Пьянство особенно усилилось после поражения революции 1905 г., когда уже не только «худшие» и «сбившиеся с пути», но и «развитые», более сознательные рабочие стали пополнять ряды поклонников зеленого змия. Однако параллельно с ростом пьянства стала активизироваться и борьба с ним, принимавшая различные формы. В одних случаях рабочие обращались к местным властям с коллективными прошениями о закрытии винных лавок, пивных и казенок на время забастовки¹⁵, в других – насовсем¹⁶. Иногда они, объединившись в небольшие группы, заключали между собой письменный или устный договор о том, чтобы в течение какого-то времени «не пить ни единой капли чего бы то ни было спиртного»¹⁷(17). Но настоящее отрезвление пришло к рабочим лишь в 1914 г. благодаря запрету на продажу водки.

К однозначно негативным явлениям рабочего быта наряду с пьянством, хулиганством, азартными играми принято относить и кулачные бои («стенки», «кулачки»)*, что, думается, вряд ли правомерно.

В течение многих столетий кулачные бои были одним из любимейших русских национальных мужских состязаний в силе, отваге, ловкости. И как знать, не вековые ли традиции кулачных боев, воспитывавших бесстрашие, стойкость, чувство товарищества и упорство в достижении победы, способствовали блистательным победам русских воинов в рукопашных схватках с неприятелем?

Еще во второй половине XIX в., не говоря уж о более ранних временах, отдельные владельцы фабрик, даже в Москве, держали у себя кулачных бойцов «из рабочих», а некоторые порой и сами вставали в «стенку»¹⁸. В конце XIX – начале XX вв. кулачные бои были популярным великопостным развлечением крестьян Центральной России.

*Бои, происходившие на льду реки, пруда или озера, называли «ледяными».

Начиная с XVIII в. власти периодически принимали меры к искоренению кулачных боев, прибегая то к их запретам, то к разгону дерущихся с применением силы (полиции, городских, казаков). Но ощутимых результатов эта борьба не приносила, и «стенки» прекратились лишь в годы I Мировой войны. Не в последнюю очередь, видимо, благодаря тому, что парни и молодые мужчины (главная «боевая сила») были призваны в армию.

Давая возможность любителям «помахать кулаками», публично продемонстрировать свою удаль и сноровку, «поиграть мускулами» без всякого ущерба для окружающих, кулачные бои, мне кажется, выполняли роль своего рода громоотвода, направляющего избыточную энергию потенциальных нарушителей общественного порядка в наименее опасное для общества русло.

Кулачные бои рабочих зачастую были «масштабнее» крестьянских. В них одновременно могли участвовать от нескольких сотен до нескольких тысяч человек с каждой стороны. Например, в январе 1903 г. в Орехово-Зуеве в «стенке» между рабочими фабрик Саввы и Викулы Морозовых и фабрик Зиминых участвовало до 10 тыс. человек¹⁹. Той же зимой, в Великий пост, в Ростове-на-Дону на «кулачках» за р. Темерником «бились» 5–6 тыс. рабочих и горожан. Кулачные бои велись по определенным, строго соблюдаемым правилам. Начинали их подростки («задиралы»), последними в бой вступали «пожилые отцы семейств».

Как и другие русские народные обычаи, кулачные бои в рабочей среде претерпели заметные изменения. К концу XIX в. из традиционной праздничной «забавы» они превратились в один из компонентов повседневного быта рабочих*, что лишало их искони присущей им сакральности. А это неминуемо вело к постепенному превращению кулачного боя в заурядную драку, порой вопреки правилам, даже с применением оружия – палок, камней, кольев и пр.

В начале XX в. среди участников «стенок» и «кулачек» преобладали подростки и молодежь, во все времена любящие померяться силой. Рабочие, «стремившиеся к свету и знанию», сторонились этой «членовредительной и кровавой забавы». Особенно негативно относились к кулачным боям участники рабочего движения. И не только из-за их жестокости, но и потому, что лежащее в основе этих боев противостояние двух сторон (фабрик, заводов, уроженцев разных мест, жите-

*В Иваново-Вознесенске, например, в середине 1890-х гг. кулачные бои между рабочими соседних фабрик устраивались даже в обеденный перерыв. (Самойлов Ф.Н. По следам минувшего. М., 1954. С. 38).

лей разных улиц, слобод и т.п.) объективно вело к разобщению рабочих.

Новым явлением в общественном быту рабочих стали обычаи, рожденные изменениями, произошедшими в их сознании и мировосприятии в последнее двадцатилетие XIX в. под влиянием комплекса причин, способствовавших постепенному расширению духовных запросов рабочих, и как результат этого – изменению их отношения к окружающему миру, а также пониманию своей роли в обществе. Отсюда – осознание себя личностью, имеющей право на уважение и достойное человека обращение. К сожалению, подавляющее большинство представителей фабрично-заводской администрации не заметили метаморфозы, произошедшей на рубеже веков в сознании известной части рабочих. В рабочих они по-прежнему видели лишь одушевленный придаток машин и других средств производства, обреченный на полную зависимость от любых прихотей начальства. Ответной реакцией на «слепоту» администрации стал принимающий различные формы, в том числе и нецивилизованные, все более нарастающий стихийный протест рабочих против начальственного произвола. Унижение человеческого достоинства рабочих стало одной из наиболее частых причин возникновения конфликтных ситуаций на производстве.

С конца 1880-х гг. в России все чаще происходят столкновения рабочих с мастерами, заканчивающиеся порой самосудом над наиболее ненавистными из них. Одних, предварительно накиннув им на голову мешок, тайком тащили к реке, угрожая купаньем в ледяной воде; другим устраивали «темную»; третьих на глазах у всех принудительно выводили с территории завода или фабрики²¹.

На рубеже XIX–XX вв. появилась еще одна форма коллективного воздействия на притеснителей рабочих – вывоз их на тачке (реже – вынос в ящике или на носилках) за ворота предприятия²². Отдельные случаи вывоза мастеров наблюдались еще в середине 1890-х гг. Однако массовый характер он приобрел лишь в 1905–1907 гг.

К вывозу на тачке «мусора», как порой называли это действие рабочие, как к «самой радикальной мере для выражения презрения», обычно прибегали в тех случаях, когда администрация категорически отказывалась удовлетворить требования об увольнении мастера или иного представителя «власти», по тем или иным причинам ставшего для рабочих нежелательной личностью. Но в годы первой российской революции этой мере наказания стали подвергаться и отдельные рабочие, поведение которых противоречило сложившимся в их среде этическим нормам или интересам коллектива. Среди «мусора», удаляемого из цехов и мастерских, оказывались и нечистые на руку рабочие, и

черносотенцы, и всякого рода «хозяйские наушники» и «язычники» (доносчики), и штрейкбрехеры, а также лица, уличенные или заподозренные в связях с тайной полицией и выдаче своих товарищей. В годы реакции, последовавшей за поражением революции 1905 г., вывоз на тачке, видимо, не практиковался. Но с началом нового подъема рабочего движения этот обычай возрождается.

«Вывоз на тачке» или вынос в ящике «мусора», на мой взгляд, был завершающим этапом в развитии обычаев, вызванных к жизни стихийной борьбой рабочих против злоупотреблений непосредственных начальников. Обычаи эти эволюционировали от тайной физической расправы со своими недругами («темная», ночное «купанье»), совершаемой узким кругом единомышленников, к публичному моральному воздействию на них. На рубеже XIX–XX вв. рабочие, в течение долгого времени постоянно унижаемые властью имущими, стали платить им той же монетой, действуя по известной формуле «как аукнется, так и откликнется».

В конце 1890-х – начале 1900-х гг., в связи с подъемом массового рабочего движения, в быт все более широкого круга рабочих постепенно входят такие новые для них обычаи, как посещение нелегальных кружков и вечеринок, сходок, маевок, массовок, митингов. Особенно многолюдными эти «школы пролетариев» стали в период первой российской революции. В 1905–1907 гг. наряду с «общими» стали проводиться и «специально женские» митинги. Например, осенью 1905 г. несколько митингов женщин-работниц состоялось в Орехове-Зуеве в связи с закрытием на неопределенное время фабрик Товарищества Никольской мануфактуры Морозовых²³. Иного рода женский митинг провели весной 1907 г. в Колпине жены рабочих, протестовавшие против непрекращающегося пьянства мужей. Закончился он принятием «решения», но не политического или экономического, а «административно-общественного» характера.

Женщины постановили обратиться за помощью: «к членам Государственной думы с просьбой содействовать закрытию всех винных лавок в посаде; ...к рабочим организациям с просьбой повлиять на своих пьянствующих товарищей, ...к администрации завода – платить жалованье алкоголиков их женам»²⁴. Думается, что этот митинг – явление иного порядка, чем митинги орехово-зуевских работниц, посвященные злободневным экономическим и политическим вопросам. Женские «собрания» с близкой повесткой дня с конца XIX в. нередко устраивались и в сельской местности, где они традиционно назывались «сходами». Не сталкиваемся ли мы в Колпине с переносом нового названия, пришедшего из европейской политической лексики, на тради-

ционный общественный институт, что, мне кажется, косвенно свидетельствует об укоренении нового явления и обозначающего его термина в быту русских рабочих? И не способствовало ли довольно быстрой приживаемости на российской почве заимствованных из опыта европейского пролетариата политических митингов то, что они по существу были модификацией традиционного русского общественного института? Ведь в конечном итоге митинг – это политизированный крестьянский сход.

С начала 1900-х гг. в быт рабочих начинают входить демонстрации, вскоре ставшие заметным явлением в общественной жизни России. Устраивались они по разным поводам: в связи с забастовками, проходами в ссылку рабочих и студентов, празднованием 1 Мая, похоронами жертв царизма²⁵. Особенно многочисленными были демонстрации 1905–1907 гг. и периода нового революционного подъема, начавшегося ленинским расстрелом (апрель 1912 г.).

С 1891 г. политически активные рабочие стали праздновать международный день солидарности трудящихся 1 Мая – сначала в Петербурге, а потом постепенно и в других промышленных городах и рабочих поселках²⁶. Отмечали его в России по-разному, в зависимости от политической обстановки в стране и накопленного рабочими арсенала форм политической борьбы. Самой ранней формой празднования Первомая была нелегальная маевка, получившая свое название от традиционных маевкопикников, с XVIII в. устраивавшихся в этот день горожанами. Во многих городах Европейской России 1 Мая считалось «полупраздником», и в этот день работали только до обеда. После двух часов дня, если позволяла погода, горожане, вне зависимости от социального статуса, взяв с собой еду и выпивку, а иногда и самовар, отправлялись семьями и дружескими компаниями в рощу, лес, на берег реки, где и веселились до наступления темноты²⁷. Нелегально маевки чаще всего проводили в лесу, подальше от посторонних глаз и ушей. На них выступали с политическими речами свои и приезжие ораторы, как правило, революционеры-профессионалы; пели и разучивали революционные песни, декламировали стихи, в том числе и собственные, посвященные первому рабочему празднику. В «политических пикниках», как иногда называли нелегальные маевки, наряду с рабочими нередко участвовали и революционно-настроенные представители интеллигенции и учащейся молодежи. С начала 1900-х гг. 1 Мая стали отмечать еще и забастовками, митингами, демонстрациями, зачастую устраивавшимися в ближайшее к нему воскресенье. В 1905–1906 гг. в некоторых городах прошли «лодочные» демонстрации и митинги, в

которых участвовала преимущественно молодежь²⁸. Свои формы празднования Первомая сложились среди политических заключенных – рабочих и революционеров-профессионалов. В тюрьме его обычно отмечали пением революционных песен и вывешиванием в окнах камер красных «флагов»²⁹ (рубаха, шарф, платок и т.п.).

Судя по источникам, к 1905 г. обычай празднования 1 Мая уже прочно вошел в быт политически активных рабочих и стал заметным явлением в общественной жизни России, оттеснив на второй план традиционные маевки. Об этом, в частности, может свидетельствовать, мне кажется, реакция екатеринославского губернатора и начальника Главного управления по делам местного хозяйства при МВД России на правила о нормативном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях, утвержденные весной 1907 г. городской думой Ново-Московска. Этими правилами «1 мая, время начала весны, празднуемого по обычаю народа», признавалось нерабочим днем. В решении новомосковской думы губернатор увидел «выражение сочувствия социал-демократическим идеям». А высокопоставленный чиновник МВД, разделяя высказанное губернатором соображение «о невозможности сохранения в числе праздничных дней 1 мая, *в виду того, что празднование этого дня имеет исключительно политический ярко демонстрационный характер*», заметил, что «население города Ново-Московского ранее этого дня не праздновало, и, следовательно, о существовании какого-либо обычая не может быть и речи»³⁰.

К осени 1905 г. в среде революционно настроенных рабочих завершилось формирование нового похоронного обряда (похороны-демонстрации), позднее получившего название «красные похороны»³¹. Бытовал он в двух вариантах. Для одного из них (гражданские похороны) был характерен полный отход от церковного ритуала. Для другого (полугражданские похороны) – сочетание церковного и гражданского ритуалов. По новому обряду хоронили преимущественно жертв царизма (не обязательно рабочих). Инициатива проведения похорон-демонстраций обычно исходила от партийных кружков и комитетов. Но решающее слово при выборе ритуала похорон принадлежало родным покойных. Рабочие чаще отдавали предпочтение полугражданским похоронам. И гражданские, и полугражданские похороны завершались траурным митингом у свежей могилы. С кладбища все расходились с пением революционных песен. Отличительными особенностями похорон-демонстраций были: преобладание в колористической гамме траурной процессии красного цвета; появление на флагах, лозунга и лентах венков надписей, подчеркивающих политический характер процессии и

выражающих солидарность с погибшими; многократное исполнение траурного революционного гимна «Вы жертвою пали...» («Похоронный марш»).

В 1905 г. среди российских рабочих широкое распространение получил и обычай коллективного поминовения жертв царизма³². Как и похороны-демонстрации, «рабочие панихиды» бытовали в сочетании с церковным ритуалом и без него (значительно чаще). Первые обычно совершались на производстве, вслед за устраивавшимися там по различным поводам молебнам, и крайне редко в храмах. По окончании панихиды по «царем невинно убиенным», в толпе рабочих нередко появлялось красное знамя, иногда кто-то произносил «соответствующую случаю речь» и в заключение все пели «Похоронный марш» (даже если не было никаких речей). После него могли петь и другие революционные песни. Частый отказ священников служить панихиды по жертвам царизма в немалой степени способствовал широкому распространению гражданского ритуала коллективного поминовения, в 1905–1906 гг. завершавшего большинство собраний и митингов рабочих. Для него также обязательным было исполнение «Похоронного марша» (два-три раза подряд), которому всегда предшествовало предложение почтить память павших в борьбе за свободу. «Рабочие панихиды», на которых зачастую поминали не родных, не друзей и даже не знакомых, а безвестных соратников по общему делу, как и похороны-демонстрации, думается, можно рассматривать как одну из форм проявления рабочей солидарности.

Приведенный выше материал, хотя он и весьма фрагментарен, дает все же основания утверждать, что обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России в конце XIX – начале XX вв. представляли собой сложный конгломерат, составляющие которого различались и стадийно, и генетически, и функционально. При этом с конца 1880-х гг. главными факторами, формирующими обычаи, обряды и нравы рабочих, становятся пробуждение их классового самосознания и осознание ими себя как личности, а с конца 1890-х – начала 1900-х гг. – рост политической активности.

¹ Блажес В.В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре Урала. Свердловск, 1987. С. 67–77, 101–130; Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. №6. С. 25–39; Ее же. Обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России, связанные с производством и производственными отношениями (конец XIX-начало XX вв.) // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 73–90.

Подробнее см.: Полицук Н.С. Обычай... С. 74–75.³ Подробнее см.: Там же. С. 76–78.

⁴ Подробнее см.: Там же. С. 78–82.

⁵ Одинцов Д. Спрыски // Правда. 1912. 25 августа.

⁶ Кохма, Шуйского уезда // Владимирец. 1907. 16 января. С. 3.

⁷ Голубев И.М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего-большевика (1896–1907). М.; Л., 1931. С. 21. См. также: с. Родники, Юрьев. у. // Костромской голос. 1906. 8 февраля. С. 3; Фролов А.С. Пробуждение. Воспоминания рядового рабочего. [Харьков], 1923. Ч. 1. С. 22; Козлов И. Жизнь в борьбе. М., 1956. С. 80; Ноздрин А.Е. Былое. 1862–1907. Новеллы из записок старого краеведа. Ч. 1. // РГАЛИ, ф. 352, оп. 1, д. 1, л. 258.

⁸ Фабричный район // Костромич. 1907. 4 апреля. С. 3.

⁹ Соболев В.А. Воспоминания бунтаря о 1905 г. // Каторга и ссылка. 1931. №1. С. 129. См. также: ГАРФ, ф. 7952, оп. 2, д. 75, л. 171; д. 76, л. 29.

¹⁰ Панкратов В.С. Из деятельности среди рабочих в 1880–84 гг. // Былое. 1906. №3. С. 16, 27; Петухов И.П. В борьбе с царизмом (Из воспоминаний рабочего). [М.], 1927. С. 33; Моисеенко П.А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 74.

¹¹ В рабочих кварталах // Наша костромская жизнь. 1910. 15 декабря. С. 2. См. также: Иванов-Вознесенск. Жилищная нужда // Старый владимирец (далее - Ст. вл.). 1909. 16 октября. С. 3; Анненская м-ра. Вольнонаемные квартиры // Кинешмец. 1913. 13 января. С. 3.

¹² Пономарев С. Артельщина и дружества как особый уклад народной жизни // Северный вестник. 188. №12. Отд. II. С. 60.

¹³ Ореховец. Обычай, который исчезнет с развитием образования // Владимирская газета. 1903. 18 апреля. С. 3. См. также: Бытовой К. «Старая жисть» // Голос текстилей. 1927. 26 мая. С. 7; Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М., 1935. С. 74; РГАЛИ, ф. 1546, оп. 1, д. 40 (20), л. 9.

¹⁴ На корзинкинской фабрике // Северная газета. 1913. 24 ноября. С. 3.

¹⁵ К забастовке на фабриках // Наша костромская жизнь 1912. 24 июля. С. 2; Закрытие пивных в фабричном районе // Там же. 1912. 24 июля. С. 2; Старая Вичуга. Трезвые дни // Новый кинешмец. 1914. 22 июня. С. 3.

¹⁶ Ходатайство рабочих о закрытии пивных и казенок // Голос. 1913. 15 марта. С. 3; Кострома // Северная газета. 1914. 4 апреля. С. 3; Орехово-Зуево. Рабочие и алкоголизм // Ст. вл. 1914. 13 мая. С. 3.

¹⁷ Киржач. Трезвенники // Ст. вл. 1909. 8 августа. С. 3; ф. Томна. «Договор о трезвости» // Кинешмец. 1913. 16 января. С. 3.

¹⁸ ГАРФ, ф. 7952. оп. 3, д. 392, л. 10; ГИМ ОПИ, ф. 426, д. 54, л. 140.

¹⁹ Письма из Орехово-Зуева // Владимирская газета. 1903. 30 января. С. 3.

²¹ Подробнее см.: Полицук Н.С. Обычай... С. 82–83.

²² См.: Там же. С. 83–86; Блажес В.В. Указ. раб. С. 115–118.

²³ Орехово-Зуево // Московская газета. 1905. 10 ноября. С. 4; М.О.К. Орехово-Зуево // Там же. 1906. 17 ноября. С. 5.

²⁴ (Р.С.) Митинг женщин // Простая жизнь. 1907. 7 апреля. С. 4. *Курсив мой.* – Н.П.

²⁵ Подробнее см.: Ширяева П.Г. Из истории становления революционных пролетарских традиций (По материалам газеты «Искра» 1900–1903 гг.) // Советская этнография. 1970. №3. С. 22–24.

²⁶ Празднованию 1 Мая в России посвящена обширная литература: публикации документов и свидетельств современников, статьи и брошюры политических деятелей и журналистов, исследования историков.

²⁷ См., например: Ковров // Владимирская газета. 1903. 10 мая. С. 2; Самылин М. Сорновское подполье 1899–1902 гг. // Пролетарская революция. 1926. №8. С. 247; Жабко М. Из далекого прошлого. Воспоминания старого рабочего. М.; Л., 1930. С. 67–68; ГИМ ОПИ, ф. 156, д. 42, л. 15 об.-16.

²⁸ 1 мая в провинции // Костромская газета. 1906. 5 мая. С. 2. См. также: 1-е мая в провинции // Московская неделя. 1905. 12 мая. С. 70–71; Кинешма // Костромская газета. 1906. 9 мая. С. 3; ГАРФ, ф. 7952, оп. 8, д. 76, л. 13.

²⁹ 1 мая в тюрьме // Костромская газета. 1906. 9 мая. С. 3; Первое мая в тюрьме и ссылке. Сб. воспоминаний. М., 1926.

³⁰ По России. 1-е мая // Северная молва. 1907. 14 октября. С. 2. *Курсив мой.* – Н.П.

³¹ Подробнее см.: Полищук Н.С. Обряд как социальное явление... С. 26–35; а также: Ширяева П.Г. Указ. раб. С. 24–26.

³² Подробнее см.: Полищук Н.С. Обряд... С. 35–36.